

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ

в системе культурных связей между Востоком и Западом

(III в. до н. э. – VII в. н. э.)

Под редакцией Аскольда Иванчика и Валентины Мордвинцевой

Симферополь, Москва

2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

CRIMEAN SCYTHIA

in a system of cultural relations between East and West

3rd century BC to the 7th century AD

Edited by Askold Ivantchik and Valentina Mordvintseva

Simferopol, Moscow

2017

УДК 63.3 (2 Рос. Крм) 2
ББК 94 (395) (477.75)
К. 852

Печатается по решению Ученого совета Института всеобщей истории РАН

Под редакцией
А. И. Иванчика и В. И. Мордвинцевой

Рецензент: д. и. н. А. Р. Канторович

Издание осуществлено в рамках проекта Российского научного фонда № 15-18-30047
«Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом
(3 в. до н. э. – 7 в. н. э.)»

К. 852 **Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом
(III в. до н. э. – VII в. н. э.):** коллективная монография / под редакцией
Иванчика А. И. и Мордвинцевой В. И. – М., Симферополь: ИП Зуева Т. В.,
2017. – 440 с.
ISBN 978-5-6040110-3-4

Коллективная монография «Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.)» содержит статьи, посвященные актуальным проблемам древней истории Крыма. Предназначена для археологов, историков, музейных работников, преподавателей и студентов исторических факультетов вузов.

C. 852 **Crimean Scythia in a system of cultural relations between East and West
(3rd century BC to the 7th century AD):** collective monograph / edited by
Askold Ivantchik and Valentina Mordvintseva. – Moscow, Simferopol: Zuyeva T. V.,
2017. – 440 p.
ISBN 978-5-6040110-3-4

The collective monograph “Crimean Scythia in a system of cultural relations between East and West (3rd century BC to the 7th century AD)” consists of articles devoted to the actual problems of ancient history of the Crimea. It is intended for archaeologists, historians, museum staff, teachers and students of archaeology and history.

УДК 63.3 (2 Рос. Крм) 2
ББК 94 (395) (477.75)

ISBN 978-5-6040110-3-4

© Иванчик А. И., Мордвинцева В. И. и др., 2017

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
<i>Аскольд Иванчик, Валентина Мордвинцева</i>	
Introduction	
<i>Askold Ivantchik, Valentina Mordvintseva</i>	
РАЗДЕЛ 1. ВАРВАРСКИЕ СОЦИУМЫ КРЫМА ПО ПИСЬМЕННЫМ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ	13
«КРЫМСКАЯ СКИФИЯ» И «ПОЗДНЕСКИФСКАЯ КУЛЬТУРА КРЫМА». ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЙ	
<i>Валентина Мордвинцева</i> 15	
“Crimean Scythia” and the “Late Scythian culture of the Crimea”. Formation and development of the terms	
<i>Valentina Mordvintseva</i>	
КРЫМСКАЯ СКИФИЯ III–II ВВ. ДО Н. Э. И ЕЕ ОТНОШЕНИЯ С ГРЕЧЕСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	
<i>Аскольд Иванчик</i>	34
Crimean Scythia in the 3 rd – 2 nd c. BC and its relations with Greek states of the North Pontic region	
<i>Askold Ivantchik</i>	
ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО	
<i>Игорь Макаров</i>	56
Epigraphic monuments of Neapolis Scythica	
<i>Igor Makarov</i>	
ЗАПАДНЫЕ СКИФЫ И СКИФИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ И РИТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВАХ I–VII ВВ. Н. Э.: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ГЕО-ЭТНИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ (СТРУКТУРИРОВАННЫЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ)	
<i>Петр Шувалов</i>	79
Western Scythians and the Scythia in geographic and rhetoric spaces from the 1 st to the 7 th c. AD.: defining the problem of the study of geo-ethnic contexts (structural overview of main sources)	
<i>Petr Shuvalov</i>	
СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ, ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТИПЫ ПОЗДНИХ СКИФОВ КРЫМА	
<i>Татьяна Смекалова</i>	124
System of settlement, space structure and economic types of the Late Scythians of the Crimea	
<i>Tatiana Smekalova</i>	
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПОСЕЛЕНИЙ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В III В. ДО Н. Э. – VI В. Н. Э.	
<i>Алексей Деваев</i>	148
Spatial analysis of the Crimean peninsula settlements from the 3 rd c. BC to the 6 th c. AD	
<i>Aleksey Devaev</i>	
КРЕПОСТЬ АК-КАЯ/ВИШЕННОЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ КРЫМА	
<i>Юрий Зайцев</i>	166
Ak-Kaya/Vishennoe fortress in the context of the Late Scythian culture of the Crimea	
<i>Yuriy Zaytsev</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В «ВАРВАРСКИХ» СОЦИУМАХ КРЫМА ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЭЛИТЫ III В. ДО Н. Э. – СЕР. III В. Н. Э. <i>Валентина Мордвинцева</i>	183
Cultural-historical processes in the “Barbarian” societies of the Crimea according to materials of the burial complexes of elites from the 3 rd c. BC to the mid-3 rd c. AD <i>Valentina Mordvintseva</i>	
ДАННЫЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ О ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ <i>Алексей Казарницкий</i>	213
Physical anthropology data on the formation of population of the North Pontic region in antiquity <i>Aleksey Kazarnitskiy</i>	
РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИЕТЫ ПО ДАННЫМ ИЗОТОПНОГО СОСТАВА УГЛЕРОДА И АЗОТА В КОСТНОЙ ТКАНИ И ЗУБАХ ЧЕЛОВЕКА НА ПАМЯТНИКАХ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА <i>Марианна Кулькова, Марина Синай, Евгений Нестеров</i>	225
Reconstruction of the diet on the data of isotopic composition of carbon and nitrogen in bone tissue and human teeth from the sites of the Crimean peninsula <i>Marianna Kulkova, Marina Sinay, Eugeny Nesterov</i>	
ИЛЛЮСТРАЦИИ	235
Illustrations	
РАЗДЕЛ 2. КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КРЫМСКОЙ СКИФИИ С ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ	333
СВЯЗИ КРЫМА С ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕМ ПО ДАННЫМ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЛАПИДАРНОЙ ЭПИГРАФИКИ (С ОСОБЫМ АКЦЕНТОМ НА ПРОКСЕНИЧЕСКИХ ДЕКРЕТАХ) <i>Виктор Кожокару</i>	335
Connections between the Crimea and the Pontic and Mediterranean regions according to classic monuments of lapidary epigraphy (accentuating on the proxenic decrees) <i>Victor Cojocaru</i>	
РИМСКОЕ ВОЙСКО В КРЫМУ В ПЕРИОД ПРИНЦИПАТА. ИСТОЧНИКИ И СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ <i>Тадеуш Сарновски</i>	350
The Roman army in the Crimea during the Principate. Sources and state of research <i>Tadeusz Sarnowski</i>	
К ВОПРОСУ О КОСТЮМЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ФИБУЛ НА ТЕРРИТОРИИ МЕЖДУ КАРПАТАМИ И ДЕЛЬТОЙ ДОНА ВО II В. ДО Н. Э. – III В. Н. Э. <i>Кирстен Хелльстрем</i>	371
To the question of a fibula-costume on the territory between Carpathians and Don delta from the 2 nd c. BC to the 3 rd c. AD <i>Kirsten Hellström</i>	
КИТАЙСКИЕ ЛАКОВЫЕ ШКАТУЛКИ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ <i>Маргарета Прюх</i>	380
Chinese lacquer boxes on the Crimean peninsula <i>Margarete Pruch</i>	
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	391
Bibliography	
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	436
Abbreviations	

«КРЫМСКАЯ СКИФИЯ» И «ПОЗДНЕСКИФСКАЯ КУЛЬТУРА КРЫМА». ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЙ*

В. И. Мордвинцева

Институт всеобщей истории РАН, Москва

Аннотация. Понятия «Крымская Скифия» и «Позднескифская культура Крыма» являются современными концептами, в которых изначально заложена интерпретационная модель, сформированная при изучении письменных и эпиграфических источников. Термин «Позднескифская культура» появился достаточно поздно по сравнению с названиями других культур Северного Причерноморья – после 1946 г., в ходе работ Тавро-Скифской экспедиции П. Н. Шульца. Он образован по этно-хронологическому принципу для обозначения материальной культуры «скифов», предположительно вытесненных «сарматами» с большей части территории, которую занимала «классическая Скифия» VI–IV вв. до н. э., и образовавших два анклава – крымско-поднепровский и фракийский, названные Страбонам Малыми Скифиями (Strab. VII. 4.5).

Термин «Крымская Скифия» для обозначения крымской части Малой Скифии Страбона появился в конце 1980-х – начале 1990-х годов, в условиях распада СССР. Преемственность Скифского царства в Крыму с Великой Скифией была поставлена под сомнение. Представлялось, что его формирование происходило в условиях появления в Крыму новых этносов, в первую очередь сарматов Прохоровской культуры. В этом смысле термин «Крымская Скифия» отражает идею появления в Крыму обособленного нового государства скифов, и, по сути, является выражением в исторических терминах понятия «Позднескифская культура Крыма».

На современном этапе феномен Позднескифской археологической культуры Крыма представляется отражением определенного этапа хозяйственно-культурного развития Крымского полуострова в условиях его вовлечения в мир-систему с двумя геополитическими центрами – Римом и Парфянским Ираном. Их ослабление или разрушение в III в. н. э. привело к разрыву и переформатированию большинства сетевых связей – идеологических, военных, торгово-экономических. С этой точки зрения идея трансформации Позднескифской культуры под влиянием «сарматизации» выглядит бессмысленной. При весьма вероятных миграционных процессах со стороны степи или Кавказа, которые подтверждаются данными физической антропологии, они в гораздо меньшей степени повлияли на функционирование социальных сетей и хозяйственно-культурный облик Крымской Скифии, чем близость античных центров и геополитические устремления основных держав-гегемонов.

Abstract. The terms “Crimean Scythia” and “Late Scythian Culture of the Crimea” are modern concepts reflecting an interpretation model formed by the study of written and epigraphic sources. The term “Late-Scythian Culture” appeared rather late in comparison with other culture-terms known in the Northern Black Sea Region, after 1946, in the frame of work of the Tauro-Scythian expedition headed by Pavel Schulz. It is formed according to the ethno-chronological principle for designation of the material culture of the “Scythians” supposedly superseded by the “Sarmatians” from most of the territory occupied by the “Scythia Magna” of the 6th till the 4th BCE, and formed two enclaves – the Crimean-Dnieper and the Thracian, both known from Strabo as the “Scythia Minor” (Strab. VII. 4.5).

The term “Crimean Scythia” for designation of the Crimean part of the Strabo’s Scythia Minor appeared in the late 1980s – early 1990s under conditions of the collapse of the USSR. The continuity between the Scythian kingdom in the Crimea and the Scythia Magna was questioned. It seemed that its formation took place under conditions of the appearance of new ethnic groups in the Crimea, first of all the Sarmatians of Prokhorovka culture. In this sense, the term “Crimean Scythia” reflects the idea of appearance in the Crimea of a separate new Scythian state and, in fact, represents an expression in historical terms of the concept of the Late Scythian culture of the Crimea.

At the present stage, the phenomenon of the Late Scythian archaeological culture of the Crimea seems to be a reflection of the economic and cultural development of the Barbarian population of the Crimean peninsula in the context of its involvement in a world-system with two geopolitical centers – Rome and Parthian Iran. Their weakening or destruction in the 3rd century AD led to the rupture and reformatting of most of the networking systems – ideological, military, trade and economic. Having this in mind, the idea of transforming the Late-Scythian culture under the influence of “Sarmaticization” seems meaningless. The migrations from the steppe or the Caucasus being very likely, which is confirmed by the data of physical anthropology, had a much lesser effect

---

* Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-18-30047 «Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.)».

on the functioning of social networks and the economic and cultural grounds of the Crimean Scythia than the proximity of the ancient cities and geopolitical aspirations of main hegemonic powers.

Ключевые слова: археологическая культура, историко-культурная область, поздние скифы Крыма, культурно-исторические процессы, сети взаимодействия, история исследования.

Key words: archaeological culture, historical-cultural region, late Scythians of the Crimea, cultural-historical processes, networks of interaction, history of research.

Дефиниции «Крымская Скифия» и «Позднескифская культура Крыма» связаны с кругом «варварских» древностей позднеэллинистического и римского времени, обнаруженных в предгорных и степных районах Крымского полуострова, между греческим полисом Херсонес Таврический на западе и городами Боспорского царства на востоке. Примыкающие к этой территории с юго-востока горная Таврика и Южнобережье традиционно считаются областями, занятыми «племенами тавров». Сопоставляемая с ними археологическая культура исчезает в III–II вв. до н. э., а взгляды на культурную атрибуцию большинства известных в Горном и Южнобережном Крыму археологических памятников III в. до н. э. – III в. н. э. находятся на стадии формирования¹.

Под «Крымской Скифией», исходя из семантической структуры этого составного термина, должна подразумеваться историко-культурная область или политический субъект, а под «Позднескифской культурой Крыма» – комплекс материальной культуры, характеризующийся временем своего сложения и исчезновения, занимаемой территорией и признаками, отличающими его от других подобных комплексов. При этом в археологической литературе данные понятия используются часто как синонимы.

Оба термина являются современными концептами, в названии их изначально заложена интерпретационная модель, сформированная при изучении письменных и эпиграфических источников. Для того чтобы ясно представлять себе их функцию в реконструкции культурно-исторических процессов, происходивших на Крымском полуострове и в целом в Северном Причерноморье, необходимо рассмотреть историю накопления информации о «варварских» древностях Крыма и ее трактовки (выработки основных концептуальных моделей и соответствующего научного дискурса).

В истории изучения «варварских» памятников предгорного и степного Крыма выделяется несколько хронологических этапов, различающихся динамикой накопления материала и комбинациями подходов, применяемых в его исследовании и интерпретации.

I этап. XVIII – вторая треть XIX века. Первичное накопление материала

Интерес к античной истории Крыма в России появился вскоре после провозглашения Петром I Российской империи и создания Петербургской академии наук². В эту эпоху в классических древностях видели образец для подражания и ориентировались на них как на эталон красоты и гармонии. Вхождение Крыма в состав Российской империи в 1783 г. повлекло за собой всестороннее обследование этой территории: историческое (в том числе этнографическое и археологическое), физико-географическое, топографическое,

¹ Храпунов 2004, 10–16; Колтухов, Юрочкин 2004, 6; Новиченкова 2002; 2015; Лысенко 2015, 57–58, 68–78, 89–90.

² Тункина 2002, 27–28.

экономико-статистическое и пр. В конце XVIII – начале XIX в. были составлены первые объемные исторические справки о Крыме и его населении с древних до новейших времен³. Столичные ученые-академики, такие как В. Ф. Зуев, К. И. Габлиц, П. С. Паллас, Е. Е. Келер, П. И. Кеппен и др., по заданию Академии совершали объезды и составляли описания Крымского полуострова, в том числе его археологических памятников, которые затем сопоставлялись с упомянутыми в античной литературе населенными пунктами. Во время этих путешествий делались зарисовки руин и собирались античные предметы (монеты, геммы, изделия из мрамора и пр.), большая часть которых преподносилась императору и передавалась в Императорский Эрмитаж, где его хранителями разрабатывались «принципы систематизации, каталогизации, научной обработки и публикации» коллекций⁴. Открытие в 1830 г. необыкновенно богатых погребений в кургане Куль-оба послужило толчком к началу систематических археологических раскопок в южных губерниях Российской империи, финансируемых государством⁵. В этот период «достойным» объектом изучения признавались только памятники материальной культуры «высокоразвитых цивилизаций», памятники же «варварских» культур, как правило, не вызывали специального научного интереса и оставались на периферии исследований. Основным содержанием этого периода явилось первичное накопление археологического материала, выработка методов его каталогизации и систематизации.

II этап. Вторая треть XIX века – 1920-е годы.

Формирование общей концепции культурно-исторического процесса в Северном Причерноморье в античности

Ключевые достижения естественных и гуманитарных наук (утверждение геологической концепции происхождения Земли, открытие древности человеческого рода, появление работ Ч. Дарвина и т. д.) привели к тому, что во второй трети XIX в. намечился коренной перелом в гуманитарных науках, который коснулся и археологии, в том числе в Российской империи. В частности, интерес к классическим древностям сначала дополнился, а затем во многом был вытеснен увлеченностью «доисторическими» древностями, которые в сознании образованной публики были связаны с прошлым их собственного народа и государства. Открытия археологических и лингвистических памятников древних цивилизаций Востока в свою очередь привели к росту общественного внимания к ориенталистике, что также отразилось на направлении поисков корней российской культуры. В этих условиях наряду с раскопками происходило первичное обобщение археологических материалов, связанных с «варварскими» народами, населявшими Российскую империю в различные эпохи, в том числе в классической древности.

При раскопках наибольшее внимание уделялось скифским древностям классического периода, в которых находили выдающиеся произведения искусства из драгоценных металлов. Материал «варварских» культур более позднего времени, обнаруженный при спорадических раскопках и разведках на территории Западного и Центрального Крыма, не вызывал у исследователей большого интереса, поскольку не содержал ценностей, сопоставимых с находками в могилах боспорской знати. Так,

³ Нарушевич 1788; Сестренцевич-Богущ 1806.

⁴ Тункина 2002, 75.

⁵ Тункина 2002, 167.

проводившие работы в 90-е годы XIX в. вблизи Бахчисарая и Симферополя Н. И. Веселовский и Ю. И. Кулаковский ограничились лишь краткими отчетами⁶, а результаты их раскопок были опубликованы А. А. Спицыным только в 1918 г.⁷ На территории за пределами греческих полисов, где расположены основные памятники культуры, известной сейчас как Позднескифская, были открыты городища Керменчик, сопоставленное с Неаполем Скифским античной нарративной традиции⁸, Зуя, Кермен-Кыр, Чайка, Беляус, Кульчук и др.⁹. Обнаруженные памятники интерпретировали по-разному: как скифские¹⁰, тавро-скифские¹¹, греческие¹².

Первой попыткой обобщения и синтеза данных разных видов источников по древней истории России стали выпуски 6-томного свода «Русские древности в памятниках искусства», изданного И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым (1889–1899), вскоре переведенные С. Рейнаком на французский язык и опубликованные под названием «Antiquités de la Russie Méridionale»¹³. Задачей этого труда было выявление «сокровенного содержания жизни, народных интересов и религиозных воззрений древнего населения Южной России»¹⁴.

Основными акторами культурно-исторических процессов, происходивших в «Южной России» в классической древности, И. И. Толстой и Н. П. Кондаков видели «греческих поселенцев» и «местные» иранские народы – скифов и сменивших их сарматов. При этом влияние греческой культуры на «местную» авторы расценивали как «внешнюю оболочку», наброшенную, как художественный покров, на «оригинальное содержание»¹⁵. В целом в этой работе оформилось представление об исторической роли населения южнорусских степей, преимущественно иранского по культуре, в сложении «восточного», «греко-варварского» облика античных городов Северного Причерноморья, затем Византии, и в последующем формировании культур средневековой, а в конечном счете и современной Европы. В нарисованной авторами картине, однако, практически не нашлось места для характеристики культуры «варварского» населения Крыма в период с III в. до н. э. по III в. н. э. и отражения его роли в происходивших здесь культурно-исторических процессах¹⁶.

Создатель первой концепции культурно-исторических процессов в Северном Причерноморье в классическую эпоху М. И. Ростовцев также не обращался к археологическим материалам, относящимся к «варварскому» населению Крымского

⁶ ОАК за 1890, 1892, 1895, 1896, 1897.

⁷ Спицын 1918.

⁸ Тункина 2002, 111.

⁹ Дашевская 1991, 5.

¹⁰ Маркевич 1889, 114, 115.

¹¹ Латышев 1887, 138, 160.

¹² Уваров 1854, 525, 526.

¹³ Толстой, Кондаков 1889–1899; Kondakov et al. 1891.

¹⁴ Толстой, Кондаков 1889, 113.

¹⁵ Толстой, Кондаков 1889, 113.

¹⁶ Авторы отмечают существование торговли Херсонеса с «соседними варварскими племенами скифов и тавров», упоминают крепости, построенные скифским царем Скилуром, отождествляя крепость Керменчик с Неаполем письменных источников (Толстой, Кондаков 1889, 17, 105).

полуострова. Причиной этого было, видимо, отсутствие ярких памятников материальной культуры, которые могли бы позволить сопоставление их с известными уже памятниками древнего искусства. В то же время в работах М. И. Ростовцева была окончательно сформулирована идея об изменении материальной культуры населения всего Северного Причерноморья в результате появления здесь регулярных волн иранских племен с востока, о его постепенной «варваризации», «иранизации», «сарматизации»¹⁷. Для подтверждения своей концепции он использовал археологический материал, считая принципиально возможным с его помощью в значительной степени компенсировать недостаток исторических сведений¹⁸. Источниковую базу его составляли в основном художественные вещи из погребальных комплексов элиты или неизвестного происхождения (среди них имелись и современные автору подделки¹⁹). М. И. Ростовцев не описывал и не обосновывал методику своей обработки археологических данных, но в его текстах можно почерпнуть сведения о взглядах исследователя на сущность и принципы развития материальной культуры и методы интерпретации ее остатков, которые, в целом, соответствовали уровню передовой науки его времени.

Материальную культуру скифов он представлял как «смесь» из трех основных компонентов: «местного», иранского и греческого²⁰. Под греческими элементами подразумевались импорты, а также предметы, специально изготовленные греками для скифов. К иранским элементам относилось все «то, что не является ни местным, ни греческим», а именно звериный стиль и определенные типы вещей: «персидский акинак», восточное налучие (горит), набор лошадиной сбруи, погребальные колесницы, навершия погребальных балдахинов, литые бронзовые котлы, скипетры, нашивные бляшки, головной ритуальный и погребальный убор, штаны и сапоги, набор ритуальной погребальной посуды²¹. Состав элементов «местного уклада» не раскрывается. Исследователь перечислил также специфически «сарматские» категории погребального инвентаря²². Таким образом, с определенными категориями вещей прямо ассоциировалась конкретная этническая принадлежность.

Развитие материальной культуры, появление в ней новых категорий предметов или предметов нового облика, происходило, по мнению исследователя, в результате миграций, когда трансфер инноваций в культуру-реципиент происходил физически вместе с потоками мигрантов²³. Соответственно, в основе трансформации материальной культуры лежали этнические изменения²⁴. Закрепление за конкретными категориями вещей этнического содержания давало инструмент в прослеживании направления миграций, когда сходные, по мнению М. И. Ростовцева, группы погребений рассматривались как реперы, «связующие звенья» на пути передвижения древних

---

¹⁷ Мордвинцева 2016b.

¹⁸ Rostovtzeff 1922, vii-viii.

¹⁹ Иессен 1961.

²⁰ Ростовцев 1925, 302.

²¹ Ростовцев 1925, 305–307.

²² Rostovtzeff 1922, 132; 1929, 42–43, 44–45, 55; Rostowzew 1931, 606.

²³ Rostovtzeff 1929, 42, 66.

²⁴ Ростовцев 1925, 612.

племен²⁵. В то же время М. И. Ростовцев не отрицал и эволюционное развитие материальной культуры путем «перерождения» ее элементов²⁶. В результате вырисовывалась преемственность культур Северного Причерноморья, определившая собой «культурные особенности жизненного уклада того, что позднее сделалось Россией»²⁷.

Созданная М. И. Ростовцевым модель культурно-исторического развития Северного Причерноморья была комплексной и на тот момент непротиворечивой. Целью его работ, осознанно или неосознанно, было закрепление историко-генетического мифа, связывавшего судьбы древнего населения Северного Причерноморья и Российской империи²⁸. Им был обобщен весь доступный к тому времени материал, сведены вместе разные группы источников – письменные, археологические, эпиграфические, нумизматические, для их интерпретации привлечен широкий круг аналогий. Масштаб работ Ростовцева был настолько великим, стиль изложения настолько уверенным, а культурно-историческая модель настолько убедительной, что они определили пути развития нескольких направлений в отечественной науке, в частности антиковедения и скифо-сарматской археологии, вплоть до настоящего времени.

III этап. 1924–1945 годы.

«Стадиальный подход» в изучении археологических памятников

После Октябрьского переворота 1917 г., несмотря на изменения в структуре государственных научных учреждений и отъезда или смерти многих известных ученых, наука и научный дискурс оставались во многом на дореволюционном уровне. Однако к середине 1920-х годов руководством Советского Союза был взят курс на усиление идеологической монополии, в том числе в археологии. В начале 1930-х годов в Государственной академии истории материальной культуры под влиянием идей Н. Я. Марра В. И. Равдоникасом была разработана автохтонистская теория стадиальности, согласно которой человеческие общества проходили в своем развитии определенные стадии, переживая «революционные скачки» от одной стадии к другой, сопровождавшиеся экономическими, социальными и идеологическими перестройками²⁹. Эти «революционные изменения» происходили вследствие процессов, развивавшихся внутри общества, внешнее влияние фактически отвергалось, а миграции отрицались. Археологи, придерживающиеся других взглядов, подвергались травле и преследованиям. Однако в 1936–1937 гг. некоторые положения официальной доктрины были пересмотрены, что нашло отражение в передовой статье, открывающей второй выпуск альманаха «Советская археология». В ней отмечалось, что авторы ряда работ «пользовались готовыми, априорно взятыми схемами и лишь переносили эти заранее построенные схемы на свой материал»; из таких работ получалось, «что, например, родовое общество пунктуально, до мелочей одинаково разлагалось на Енисее, в степях

²⁵ Ростовцев 1918a, 31–33, 80; 1925, 573; Rostovtzeff 1929, 66.

²⁶ Ростовцев 1925, 458–459, 613.

²⁷ Ростовцев 1918b, 7.

²⁸ Мордвинцева 2016b.

²⁹ Лебедев 1992, 428.

Восточной Европы, в предгорьях Урала и в Средней Азии»³⁰. В качестве главной задачи археологам было поставлено изучение «памятников истории различных этнических групп – племен и народов, некогда населявших или населяющих и теперь территорию Советского Союза». В результате некоторые положения официальной доктрины были пересмотрены, и в качестве главной задачи археологов в конце 1930-х гг. была поставлена задача изучения «памятников истории различных этнических групп – племен и народов, некогда населявших или населяющих и теперь территорию Советского Союза». Предполагалось на основе «тщательного, кропотливого изучения культурных остатков» составить «карты расселения племен на территории нашей родины» в различные эпохи их существования, проследить, «когда, почему и каким образом возникали из отдельных племен крупные племенные союзы, как эти союзы укрупнялись и на грани классовой истории, в борьбе друг с другом и с внешним врагом, превращались в народы, уже хорошо известные письменной истории»³¹. Теперь возможности внешних влияний уже не отрицались, но идеи культурной трансформации как результат миграций по-прежнему осуждались как имеющие своей подосновой «антинаучную расовую теорию».

В то же время, несмотря на тенденцию к схематизации в приложении марксизма к археологическому материалу, в советской археологии активно развивалось социологическое направление, разрабатывались новые методы исследования. Особое внимание стало уделяться массовому материалу, в отличие от предшествующего периода, когда выводы основывались, как правило, на изучении ярких комплексов, связанных с социальной элитой. Это привело к масштабным по сравнению с дореволюционным периодом раскопкам и интенсивному накоплению источниковой базы, в том числе в Крыму.

В 1917–1921 гг. степи Северного Причерноморья и Крым оказались территорией военных действий и гражданского противостояния, и изучение в этом регионе памятников материальной культуры было на некоторое время приостановлено. Но уже во второй половине 20-х годов началось планомерное обследование и картографирование археологических памятников полуострова³², в частности в предгорном Крыму была выявлена «обширная система скифских городищ»³³. Увеличение количества изученных объектов, в том числе проведенные на городище Керменчик раскопки, дали основание Н. Л. Эрнсту выделить в Крыму «Неапольскую культуру», для которой характерна «смесь элементов греческих, римской эпохи и местных; среди последних – смесь степных и горных, т. е. скифских и таврских»³⁴. Эта культура, по мнению ученого, была распространена также на других городищах крымских предгорий, типологически сходных с Неаполем, и исторически связана с образованием мощного тавро-скифского государства в Крыму при царе Скилуре и его сыновьях³⁵.

---

³⁰ Наши задачи... 1937, 3.

³¹ Наши задачи... 1937, 4–5.

³² Эрнст 1927; 1931; 1937; Эрнст, Маркевич 1928а; 1928б; 1929; Шульц 1937; 1941.

³³ Эрнст 1937, 241.

³⁴ Эрнст 1927, 27.

³⁵ Эрнст 1927, 28.

Несмотря на в целом позитивное отношение ученого сообщества к выводам Н. Л. Эрнста³⁶, термин «Неапольская культура», однако, не прижился, поскольку не вписывался в недавно оформившуюся официальную «стадиальную» парадигму. Итоги «стадиального изучения» археологических культур Северного Причерноморья были подведены в обобщающем труде сотрудника ГАИМК В. И. Равдоникаса, посвященном «готскому вопросу»³⁷. Исследования Н. Л. Эрнстом памятников культуры «варваров» Крыма эллинистического и римского времени в этой работе не упоминаются, как и сами эти памятники и связанная с ними культура, кроме краткой информации о возникновении «известного крупного племенного объединения скифов во главе с вождем Скилуром»³⁸, хотя автор довольно подробно останавливается на хронологически и типологически схожих с ними памятниках Нижнего Поднепровья, Прикубанья и Нижнего Дона. Сам факт выделения культуры на основании сходства определенных типологических черт археологических памятников отражал «европейский» тренд в советской археологии³⁹ («буржуазные формально-типологические штудии»), а их интерпретация расходилась с единственно допустимым тогда «стадиальным» подходом. Н. Л. Эрнст был репрессирован в 1938 г. по обвинению в шпионаже и «германофильской пропаганде»⁴⁰.

Для данного периода характерно было сочетание новаторских подходов на относительно высоком уровне обобщения (так, на основе опыта, накопленного в рамках палеоэтнологического направления, были разработаны признаки выявления хозяйственно-культурных типов⁴¹, «общественных стадий» в облике материальной культуры) с отсутствием критики археологических источников на уровне обработки и сравнительного анализа конкретных данных. Фактический запрет на развернутые работы «вещеведческого» уровня привел к тому, что доказательства не требовались, если схема не противоречила «классовой теории» и концепции «стадиальности», т. е. соответствовала ожидаемому результату. Достаточно было указать на сходство, пусть даже случайное, отдельных, вырванных из контекста элементов материальной культуры, чтобы использовать их как доказательство своей теории, которая при этом могла быть сама по себе и верной. В результате большинство исследований превращалось в схематический, некритичный очерк, из которого выхолащивалось конкретное содержание.

IV этап. 1945–1980-е годы.

«Позднескифская археологическая культура»

Еще до окончания Второй мировой войны, летом 1945 года была организована Тавро-скифская экспедиция ИИМК АН СССР, ГМИИ им. Пушкина и Крымского отдела АН СССР. Целью ее было изучение древнего «автохтонного» населения Крымского

³⁶ См. прения по докладу Н. Л. Эрнста (Эрнст 1927, 28).

³⁷ Равдоникас 1932.

³⁸ Равдоникас 1932, 76.

³⁹ Аналогичный подход к изучению археологических памятников представлен, например, в работах П. Рау, покончившего жизнь самоубийством из-за начавшейся его травли в прессе (см. Ерина и др. 1996, 124).

⁴⁰ Чижова 2012, 164.

⁴¹ Толстов 1932, 31–33.

полуострова. С этого момента началось планомерное исследование памятников материальной культуры варварского населения Крыма. Вместо термина, введенного Н. Л. Эрнстом, по отношению к ней стали применять определение «Позднескифская», что во многом оказало влияние на ее дальнейшее исследование. При этом в названии культуры не отражена специфика ни относящихся к ней археологических остатков, ни составляющих ее археологических памятников. Оно сформировано, скорее, по этно-хронологическому принципу, т. е. для обозначения материальной культуры «скифов», предположительно вытесненных «сарматами» с большей части территории, которую занимала «Скифия Геродота», определяемая в научной литературе как «классическая» и датированная VII–IV вв. до н. э.⁴² Предполагается, что эти «поздние скифы» сформировали два анклава – крымско-поднепровский и фракийский, названные Страбоном Малыми Скифиями (Strab. VII. 4.5)⁴³. По словам П. Н. Шульца, «территория распространения археологической Позднескифской культуры была четко определена еще Страбоном»⁴⁴. Таким образом, термин «Позднескифская культура» обозначал не совокупность сходных между собой археологических памятников, а совокупность любых материальных остатков, относящихся к определенному периоду и обнаруженных на определенной территории. В этом смысле данный термин близок дефиниции историко-культурной области – «территории, на которой в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эту территорию, сложилась определенная культурная общность»⁴⁵. При этом с самого начала Позднескифская культура ассоциировалась именно с крымско-поднепровским анклавом, в котором впоследствии стали выделять «крымский» и «нижнеднепровский» варианты.

В отличие от культуры «классических скифов», представленной в основном курганными некрополями и редкими городищами, культура «поздних скифов» на Нижнем Днепре и в Крыму представлена укрепленными городищами, окруженными неукрепленными селищами, и грунтовыми некрополями. Это явление интерпретировалось как следствие оседания обедневшей части кочевников в традиционных местах расположения «зимников», в то время как верхушка скифского общества продолжала кочевать в разделяющих крымский и поднепровский анклавы степях Таврии⁴⁶. Под влиянием теории «стадиальности» в Позднескифской культуре особо подчеркивались черты сходства с предшествующей культурой степных скифов, а также вырванные из контекста элементы, позволяющие провести параллели с культурами славянского круга⁴⁷. Таким образом перекидывался мостик, связывающий культуры скифов и славян – политическая задача, которая была прямо сформулирована в решении научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала

---

⁴² Храпунов 2004, 6, 29.

⁴³ Граков 1947, 86; Артамонов 1948, 58; Шульц 1971.

⁴⁴ Шульц 1971, 129.

⁴⁵ Левин, Чебоксаров 1955, 10.

⁴⁶ Артамонов 1948, 65–67.

⁴⁷ Так, статьи, посвященные позднескифским памятникам, часто имеют отсылки к славянскому изобразительному творчеству и фольклору (Шульц 1957; Бабенчиков 1957).

АН СССР по вопросам истории Крыма, состоявшей в 1952 г.⁴⁸, и отголоски которой можно встретить в археологической литературе до настоящего времени.

Основное внимание во второй половине 1940-х и в 1950-х годах было уделено раскопкам городища Керменчик, которое уже в XIX в. многими исследователями интерпретировалось как Неаполь Скифский – одна из трех упомянутых Страбоном скифских крепостей, построенных Скилуrom. Этому городищу и его некрополям были посвящены многочисленные публикации⁴⁹. В то же время продолжались разведки в предгорном и Северо-Западном Крыму, был сделан вывод о различиях между «варварскими» поселениями предгорий и остатками поселений, опорных пунктов и гаваней, которыми владел в Западном Крыму Херсонес⁵⁰.

С конца 1950-х годов центр археологических работ переместился на западное побережье полуострова. Здесь одновременно работало несколько экспедиций на городищах и некрополях Северо-Западного (Чайка⁵¹, Тарханкут⁵², Беляус⁵³) и Юго-Западного Крыма (Алма-Кермен⁵⁴, Усть-Альма⁵⁵, Бельбек-IV⁵⁶ и др.). Регион Юго-Западного Крыма исследовался в основном по берегам рек Альмы, Бельбека, и Качи, где, помимо раскопок, проводились визуальное обследование городищ, их картографирование, топосъемка и шурфовка. В результате выявлены и зафиксированы практически все известные на сегодня городища и могильники Позднескифской культуры в этой части полуострова. Были исследованы также курганы с погребениями того же хронологического диапазона, что и грунтовые некрополи⁵⁷.

Накопленный материал позволил выделить основные типы поселений и некрополей Позднескифской культуры, довольно подробно описать категории инвентаря, построить относительную и абсолютную хронологию памятников. Результаты этих работ представлены в диссертациях, статьях и монографиях Т. Н. Высотской, И. И. Гущиной (Лобовой), Н. А. Богдановой, Э. А. Сымоновича, О. Д. Дашевской, И. В. Яценко, А. Н. Щеглова⁵⁸ и других исследователей. В 1991 г. вышел в свет свод О. Д. Дашевской, который стал своеобразным итогом изучения варварских памятников Крыма за почти два столетия⁵⁹.

⁴⁸ Айбабин и др. 1993, 211.

⁴⁹ Погребова 1961; Карасев 1950; Соломоник 1962; Высотская 1979; Бабенчиков 1957; Сымонович 1983; Раевский 1971а, 1971б, 1976.

⁵⁰ Артамонов 1948, 59.

⁵¹ Экспедиция ЛО ИА АН СССР под руководством А. Н. Карасева, затем экспедиция МГУ под руководством И. В. Яценко.

⁵² Экспедиция ЛО ИА АН СССР под руководством А. Н. Щеглова.

⁵³ Экспедиция ИА АН СССР под руководством О. Д. Дашевской.

⁵⁴ Городище исследовалось экспедицией Крымского филиала АН СССР под руководством Е. В. Веймарна, затем Т. Н. Высотской, некрополь – экспедицией БГИМ, затем ГИМ под руководством Н. А. Богдановой.

⁵⁵ Экспедиция КФ АН СССР и БГИМ под руководством Т. Н. Высотской и И. И. Лободы.

⁵⁶ Экспедиция ГИМ под руководством И. И. Гущиной.

⁵⁷ Высотская 1987, 42–43.

⁵⁸ Высотская 1972; 1994; Лобова 1956; Гущина 1982; Богданова 1963; 1989; Дашевская 1971; Щеглов 1970; 1978; Сымонович 1983; Яценко 1970; 1974.

⁵⁹ Дашевская 1991.

Именно в этот период в скифо-сарматской археологии, которая в конце 1940-х гг. выделилась в отдельное направление⁶⁰, утвердились стереотипы в интерпретации некоторых элементов материальной культуры как «этнически окрашенных», что по сути являлось развитием идей, высказанных в трудах М. И. Ростовцева. «Этническими индикаторами», в частности, признавались типы погребальных сооружений, отдельные элементы погребального обряда (ориентировка, поза погребенного и т. п.) и категории предметов погребального инвентаря (например, лепная керамика, вне зависимости от наличия орнаментации). Факты присутствия в комплексах «этнических индикаторов», признанных инокультурными, интерпретировались в зависимости от принятой исторической концепции. При необходимости подтверждения идеи о физическом проникновении «носителей иной культуры» (как правило, сарматской) наличие соответствующих признаков расценивалось как доказательство появления в местном обществе иноэтничных переселенцев. Если такой цели не ставилось, то речь шла об инокультурном влиянии или социально-экономических процессах. Эта интерпретационная модель применялась для объяснения любых инноваций.

Как уже упоминалось, основной парадигмой, разделяемой в этот период всеми исследователями Позднескифской культуры, с одной стороны, было происхождение носителей этой культуры от скифов более раннего периода⁶¹, и, как следствие, подчеркивание ее связи с предшествующей «классической» скифской археологической культурой (аргументация на основе «поиска связующих черт»), а с другой – «сарматизация» позднескифского общества вследствие миграции с востока сарматского этноса (аргументация на основе выявления «сарматских этноиндикаторов»).

Наблюдаемые отличия материального выражения культуры «классических» и «поздних скифов» П. Н. Шульц объяснял различиями существовавшего у них социального устройства⁶². Для общества «курганной культуры степной Скифии ранней и средней поры» был характерен военно-демократический строй. Отличительными ее элементами были: «особый погребальный ритуал курганных захоронений, оружие, конский убор, звериный стиль и лепная керамика устойчивых форм»⁶³. Формирование Позднескифской культуры происходило в степной полосе Скифии в условиях оседания кочевников на землю, она развивалась уже в условиях классового общества⁶⁴. Для культуры крымско-поднепровской Малой Скифии, представленной двумя вариантами – нижнеднепровским и крымским, были характерны другие признаки: «1) появление градостроительства и домостроительства с применением примитивных иррегулярных

---

⁶⁰ В 1947 г. усилиями Б. Н. Гракова в структуре Института истории материальной культуры АН СССР (с 1959 г. – Институт археологии АН СССР, с 1991 г. – Институт археологии РАН) был создан отдел скифо-сарматской археологии.

⁶¹ Физическое происхождение «поздних скифов» от «классических» подтверждается анализом краниологических серий (Кондукторова 1964; Зиневич, Круц 1968; Зиневич 1971; см. также статью А. А. Казарницкого в настоящем томе).

⁶² Вопросы социального устройства «позднескифского общества» не были в числе приоритетных в этот период и решались в основном исходя из общих представлений о развитии общественных отношений, а не на основе исследования археологического материала. Исключением является попытка Д. С. Раевского проанализировать тип семьи у «поздних скифов» (Раевский 1971b).

⁶³ Шульц 1971, 129.

⁶⁴ Артамонов 1948; Шульц 1971, 128.

каменных кладок; 2) переход от курганных захоронений к грунтовым могильникам; 3) преобладание в местной керамике лепной посуды, простой и лощенной, генетически в значительной мере связанной с посудой степной Скифии предшествующего периода; 4) ведущая роль в искусстве антропоморфных мотивов и монументальных форм (антропоморфные стелы, надгробия и т. д.)»⁶⁵. Связующими чертами материальной культуры классических и поздних скифов названы: лепная керамика, зольники на поселениях, обычай ставить около жертвенников и очагов глиняные фигурки богинь, животных и миниатюрные сосуды, традиционные формы скифского мужского костюма, некоторые погребальные традиции (захоронение рядом с царем коней и конюха, западная ориентация царского погребения, захоронение собак и пр.)⁶⁶.

В облике Позднескифской культуры отмечено наличие черт других культур – греческой, таврской, кельтской, фракийской (гето-дакийской)⁶⁷. При этом в ее крымском варианте в большей степени отразилось греческое и таврское влияние, а в нижнеднепровском – кельтское и фракийское. Отдельно от других инокультурных воздействий исследовался процесс «сарматизации», который расценивался как результат «поэтапного проникновения» сарматов в Крым и Нижнее Поднепровье⁶⁸.

В 1956 г. в МГУ была защищена кандидатская диссертация И. И. Лобовой (Гущиной) «Сарматы в Крыму», главная задача которой определена как выделение в погребениях некрополей Крыма «именно сарматских черт, с учетом сложившейся в это время обстановки»⁶⁹. По мнению исследовательницы, появление «сарматских черт» можно связывать не только с общим процессом сарматизации культуры Северного Причерноморья, но и с непосредственным проникновением в среду скифского населения Центрального Крыма сарматов⁷⁰. Она отмечает, что сарматы, попадавшие в Центральный Крым, «сливались с местным скифским населением, поэтому нельзя выделить чисто сарматских погребений и нельзя говорить о степени усиления сарматского элемента в то или иное время»⁷¹. Одновременно И. И. Лобова (Гущина) считала необходимым различать два процесса: влияние или распространение сарматской культуры и собственно проникновение сарматских племен. Влияние сарматской культуры проявлялось в «распространении одинаковых форм оружия, конского убора, одежды и ее необходимых принадлежностей», а «проникновение сарматов» – в перенесении определенных черт погребального обряда: отдельных типов погребальных сооружений (подбойные могилы), некоторых черт ритуала (положение кистей рук на кости таза, перекрещивание ног в голени, наличие костей барана, довольно частые случаи южной и северной ориентировки⁷², «обычай разбивать зеркала»⁷³), в наличии или

---

⁶⁵ Шульц 1971, 132.

⁶⁶ Шульц 1971, 132–133.

⁶⁷ Шульц 1971, 130, 136, 139.

⁶⁸ Шульц 1971, 140.

⁶⁹ Лобова 1956, 6.

⁷⁰ Лобова 1956, 150.

⁷¹ Лобова 1956, 165.

⁷² Лобова 1956, 33.

⁷³ Лобова 1956, 143.

широком распространении «типичных для сарматов предметов и украшений, а также определенных форм простой керамики»⁷⁴. При этом связь распространения предметов определенного типа именно с сарматским влиянием не аргументировалась, а «сарматское происхождение» отдельных типов погребальных сооружений и черт погребального обряда обосновывалось наличием таковых в погребальных комплексах на «исконной территории сложения сарматских племен», в степях Поволжья и Приуралья⁷⁵.

Аналогичные подходы к интерпретации археологических памятников Крыма и Нижнего Днепра неоднократно применялись и другими исследователями на протяжении всего рассматриваемого периода⁷⁶. На них практически не оказало влияния возникновение в 1960-е годы «новой археологии», в мировой науке выразившейся повсеместно в применении методов естественных наук, переосмыслении роли археологического материала как исторического источника (объяснительная вместо описательной), изучении культурно-исторических процессов вместо культурной истории, конструировании моделей вместо механического сложения элементов прошлого и т. д.⁷⁷ В некоторой степени новые веяния сказались в разработке формализованных подходов к анализу археологического материала и в построении теории археологии (дискуссии о предмете и объекте археологии, информационной значимости археологических источников, археологической культуре и т. д.)⁷⁸. В это же время установился определенный алгоритм исследования материальных остатков погребальных комплексов с элементами статистического анализа, который использовался и при публикации материалов Позднескифской культуры⁷⁹. В ходе применения этого алгоритма погребальный обряд не реконструировался как единое целое (модель), а представлялся в виде «конструктора» из набора отдельных элементов, для каждого из которых подсчитывалось их процентное содержание и проводились аналогии в близких и отдаленных по территории, времени и типу археологических памятниках. Из-за неполноты публикации полевых материалов полученные результаты и сделанные на их основе выводы невозможно было верифицировать.

У этап. Конец 1980-х – 2014 г. Дискуссия о Позднескифской культуре и политической истории Крымской Скифии

В конце 1980-х годов произошли серьезные перемены в политической жизни СССР. В результате политики гласности произошел информационный взрыв, повлекший за собой раскрытие правды о репрессиях советского времени, в том числе против археологов. В это время стал допустимым плюрализм мнений, что в совокупности с открывшимися возможностями получения научных стипендий в странах западного мира

⁷⁴ Лобова 1956, 223.

⁷⁵ Лобова 1956, 15.

⁷⁶ Высотская 1972; 1979; 1987; Раевский 1971а; Дашевская 1971; Сымонович 1960; 1983.

⁷⁷ Renfrew, Bahn 1991, 35.

⁷⁸ Формализованные методы и теоретические подходы разрабатывались в основном в научных центрах Москвы, Ленинграда и Киева, количество таких работ увеличивается к концу рассматриваемого периода. См. Каменецкий и др. 1975; Клейн 1978; Генинг 1982; 1989; Башилов, Лооне 1986; Захарук 1977; 1983а; 1983б; Генинг и др. 1990; Бунятян 1985.

⁷⁹ Высотская 1972; 1979; 1994; Гущина 1982; Богданова 1963; 1989; Сымонович 1983.

и относительно свободного выезда за рубеж привело к бурному обмену информацией, к постановке новых вопросов и разработке новых подходов к их решению. С другой стороны, в государстве усилились центробежные тенденции, которые закончились распадом СССР и появлением вместо составлявших его республик независимых государств. В 1991 году была восстановлена автономия Крымской республики в составе УССР, а в 1992 г. предпринята попытка создания суверенного государства Республика Крым со своей конституцией и президентом, упраздненными в 1995 г. В Крыму создается (или реорганизуется из уже существующих) сразу несколько профильных научных учреждений, сформированных преимущественно из местных научных кадров: Крымский филиал Института археологии НАН Украины⁸⁰, Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины им. А. Ю. Крымского, Благотворительный фонд «Деметра» и др., которые вели самостоятельные полевые исследования и их научный анализ. Расширяется география раскопок, работы проводятся на памятниках Северо-Западного⁸¹, Юго-Западного⁸², Центрального⁸³, Восточного⁸⁴, Горного Крыма и Южного бережья⁸⁵. Выходят периодические местные научные издания: «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии» (с 1990 г.), «Археологические исследования в Крыму» (с 1994 г.), «Бахчисарайский историко-археологический сборник» (с 1997 г.).

Именно в эти годы в академической литературе появился термин «Крымская Скифия» для обозначения крымской части Малой Скифии Страбона⁸⁶. В изучении археологических памятников «Позднескифской культуры Крыма» на первый план выдвинулись вопросы хронологии и периодизации, социальной организации, этнокультурной атрибуции и политической истории, а также специфики этой культуры и ее места среди синхронных древностей.

Поскольку «Позднескифская культура» изначально рассматривалась как непосредственно связанная по происхождению с «классической скифской культурой», то временем ее формирования традиционно считался III в. до н. э. Однако к началу 1990-х годов сложилось представление об отсутствии в Северном Причерноморье археологических комплексов III в. до н. э., вошедшее в академическую литературу как проблема «лакуны III в. до н. э.»⁸⁷. Сложность или даже невозможность выделения памятников, надежно датированных этим временем, обусловила появление и укрепление идеи о существовании хронологического разрыва между «классическими скифскими памятниками» и «позднескифскими древностями».

⁸⁰ До этого существовал как сектор истории и археологии при Крымской научно-исследовательской базе АН СССР (с 1947 г.), отдел истории и археологии Крымского филиала АН СССР (с 1952 г.), отдел истории и археологии Института археологии АН Украины (с 1956 г.).

⁸¹ Внуков 1984; 2004; 2007; Внуков, Лагутин 2001; Голенцов 1994; Дашевская 2014; Кутайсов 2011; Ланцов 2003; Попова 1991; 2004; Уженцев 2006.

⁸² Высотская 1994; Гущина, Журавлев 2016; Зайцев, Мордвинцева 2003с; Зайцев и др. 2005; 2007; Пуздровский 2007; Пуздровский, Труфанов 2016; 2017а; 2017б.

⁸³ Зайцев 2003; Zaytsev 2004; Колтухов, Мыц 2001; Колтухов 2004; Пуздровский 2001b; 2008; Стоянова 2012; Храпунов 1991; 2008; Храпунов и др. 1997; 2001; 2009; Khrapunov 2013; Muld 2013.

⁸⁴ Гаврилов 2004; Масленников 1995; Lysenko 2013b; Мыц, Лысенко 2001; Труфанов, Колтухов 2002.

⁸⁵ Лысенко 2003; 2009; 2010; Lysenko 2013а; 2013b; Мыц и др. 2006; Новиченкова 2002; 2015; Храпунов и др. 1994.

⁸⁶ Высотская 1987; Ольховский, Храпунов 1990; Колтухов 1991; 1993; 1999; Пуздровский 1992.

⁸⁷ Полин 1992; Зуев 1999.

Исследованные к началу 1990-х годов крымские памятники Позднескифской культуры, где были найдены надежные хроноиндикаторы (амфорные клейма, импортная керамика), датировались временем не ранее середины II в. до н. э. Строительство самой крупной и лучше всего изученной крепости Керменчик (Неаполь Скифский) Ю. П. Зайцев отнес к третьей четверти II в. до н. э.⁸⁸, в отличие от традиционной даты – конец IV в. до н. э.⁸⁹ Обнаруженные на памятнике находки рубежа IV–III вв. до н. э. были обозначены им как горизонт F, связанный с Кизил-кобинской археологической культурой. На основании изучения стратиграфии культурных слоев Ю. П. Зайцев разработал подробную периодизацию этого городища, которую синхронизировал с этапами функционирования его некрополей – горизонт E, «докрепостной» (периоды E1-3: 175–135/131 гг. до н. э.), горизонт D, «крепостной дворцовый» (периоды D1-4: 135/131–112/108 гг. до н. э.), горизонт C, «крепостной прото-городской» (периоды C1-4: рубеж II–I вв. до н. э. – середина I в. н. э.), горизонт B (периоды B1-3: вторая половина I – третья четверть II в. н. э.), горизонт A, «пост-крепостной» (периоды A1-2: последняя четверть II – вторая четверть III в. н. э.)⁹⁰. Опираясь на хронологию некрополей Позднескифской культуры, А. Е. Пуздровский выделил два ее основных периода: ранний (первая половина II в. до н. э. – первая половина I в. н. э.) и поздний (вторая половина I–III вв. н. э.)⁹¹. При этом он отметил, что достоверно документированные погребения первой половины II в. до н. э. (этап A1) отсутствуют⁹².

Констатация более чем столетнего хронологического разрыва между памятниками «классической скифской» и Позднескифской культуры привела к дискуссии о причинах исчезновения памятников «Великой Скифии» и появлении культур «нового типа» на ее территории, в том числе в Крыму.

Учитывая репрезентативность археологических данных, полученных в результате масштабных археологических исследований степного Поднепровья, С. В. Полин выдвинул гипотезу природной катастрофы, вызвавшей кризис кочевого скотоводства и полную переориентацию хозяйства, переход к земледелию и оседлости⁹³. Тем самым концепция гибели Скифского царства под ударами сарматов с востока и кельтов – с запада перестала быть единственной. Появились и продолжают появляться принципиально новые варианты объяснения прекращения функционирования «классической скифской культуры», не связанные непосредственно с идеей внешнего вторжения. В числе причин, обусловивших «кризис III в. до н. э.», называют внутренние социально-экономические трансформации, изменения природно-климатических условий и сокращение природных ресурсов, в том числе аридизацию степной зоны⁹⁴, экономическую обусловленность, связь ситуации на хлебных рынках Средиземноморья с негативными явлениями в экономике северопонтийских полисов⁹⁵, переориентацию

⁸⁸ Зайцев 2003, 46.

⁸⁹ Висотська 1992, 140.

⁹⁰ Зайцев 2003, 12–21; Zaytsev 2004.

⁹¹ Пуздровский 2007.

⁹² Пуздровский 2007, 15.

⁹³ Полин 1992, 102–104. Критику этой концепции см. Бруяко 1999; 2009.

⁹⁴ Полин 1992, 102–104; Гаврилюк 1999, 306.

⁹⁵ Бруяко 1999, 88–91.

сетевых связей различного масштаба в результате глобальных политических изменений, последовавших за объединением ойкумены вследствие завоеваний Александра Великого⁹⁶.

На фоне дискуссии о причинах «гибели Великой Скифии» пересмотру подверглась концепция возникновения Скифского царства в Крыму. Его преемственность с Великой Скифией была поставлена под сомнение, а само его формирование приписывалось воздействию появления в Крыму новых этносов, в первую очередь сарматов Прохоровской культуры⁹⁷. Маловероятным стало представляться вхождение поднепровских и крымских скифов в одно государственное объединение⁹⁸, поскольку эти два «анклава» были разделены «широкими степными просторами, заселенными сарматами»⁹⁹, а не соединялись ими, как полагал М. И. Артамонов¹⁰⁰. В этом смысле термин «Крымская Скифия» отражает идею появления в Крыму обособленного нового государства скифов, и, по сути, является историческим соответствием понятия Позднескифская культура Крыма.

При таком подходе априори подразумевается, что исторический феномен «Великой Скифии», если не государства, то по всей видимости политического субъекта, прямо связан с конкретными типами археологических памятников, и обрыв этой традиции, проявившийся в резком изменении пространственного распределения и качественного содержания археологических памятников, интерпретируется как «гибель» субъекта. Т. е. сходство отдельных проявлений археологических культур используется как аргумент для обоснования вхождения их носителей в одно государственное и/или этническое объединение, в то время как различие археологических памятников интерпретируется как их принадлежность разным политическим субъектам и/или этносам. Близкая идея заложена в аргументации противников основной версии решения «проблемы III в. до н. э.» для Нижнего Поднепровья («вторжение сарматов»), которые обосновывали свою позицию отсутствием памятников, сходных с теми, что расположены в районе «родины сарматов», Нижнем Поволжье и Подонье. К такому представлению о природе сходства археологических источников восходят и разные версии сущности Позднескифской культуры, в которой последовательно подчеркивался как культуруопределяющий то греческий (греко-боспорский)¹⁰¹, то сарматский («сатархи»)¹⁰², то кельто-фракийский¹⁰³ компонент, выделенные еще П. Н. Шульцем¹⁰⁴.

Дискуссия о государстве у поздних скифов выразилась также в выявлении признаков государственности, известных по данным письменных источников, на

⁹⁶ Мордвинцева 2018с.

⁹⁷ Ольховский 1990, 33; Пуздровский 1992, 127.

⁹⁸ Ольховский 1992, 138; Храпунов 1992, 90.

⁹⁹ Храпунов 1992, 90.

¹⁰⁰ Артамонов 1948.

¹⁰¹ Зайцев 1990; 1994; Попова 2011.

¹⁰² Зайцев 1999.

¹⁰³ Зайцев, Колтухов 2004; Зайцев 2005.

¹⁰⁴ Шульц 1971.

археологическом материале. Так, сведения про 50 или 80 сыновей Скилура¹⁰⁵ интерпретировались как отражение военно-административной системы, при которой каждый представитель правящего дома был владельцем небольшой области, куда входило городище и ближайшие селища. Соответственно, каждое укрепленное поселение Позднескифской культуры Крыма рассматривалось как ставка представителя военной знати. Поражение скифов от понтийских войск под началом Диофанта привело к развалу этой системы, децентрализации государства и появлению нескольких самостоятельных областей. Своеобразие археологических памятников разных областей «Крымской Скифии» объяснялось «этническими особенностями» их населения¹⁰⁶. В рамках этой дискуссии освещался также вопрос социальной структуры позднескифского общества. Исследователи выделяли в нем две основные социальные страты («основная масса лично свободных скифов» и «аристократия во главе с царем»)¹⁰⁷ либо три имущественные группы (богатые, среднего достатка, бедные)¹⁰⁸. Основным недостатком работ, посвященных этому вопросу, было отсутствие формально-статистического анализа и, как следствие, умозрительность выводов¹⁰⁹.

Развернутые в 1990-е и 2000-е годы дебаты по многим вопросам наряду с расширением источниковой базы способствовали усовершенствованию научной аргументации, уточнению периодизации, пересмотру ранее незыблемых парадигм, признанию некоторых взглядов ошибочными¹¹⁰. Появился целый ряд историографических очерков, одной из основных целей которых было осмысление феномена Позднескифской археологической культуры¹¹¹. Сравнительный анализ памятников Позднескифской культуры Крыма выявил их различия, что привело к выделению ее локальных вариантов – «неапольский», «аккайский»¹¹², «таракташский», «памятники типа Инкерман/Совхоз-10», памятники типа «Лучистое-2»¹¹³, «памятники Северо-Западного Крыма»¹¹⁴. В то же время расширение объяснительных моделей не изменило отношения к источнику. Наиболее часто используемым археологическим аргументом остается формальное сходство отдельных вырванных из контекста элементов материальной культуры без построения общих непротиворечивых моделей, для объяснения которых привлекались бы этнографические материалы. Несмотря на принципиальную возможность несовпадения реальностей, реконструируемых историками и археологами, продолжают использоваться исторические стереотипы,

¹⁰⁵ Зубар 1992, 100; Пуздровский 1992, 127.

¹⁰⁶ Пуздровский 1992, 127.

¹⁰⁷ Храпунов 1992, 89.

¹⁰⁸ Висотська 1992, 141.

¹⁰⁹ См. Ольховский 1992.

¹¹⁰ Например, стала очевидной необоснованность интерпретации некоторых признаков погребального обряда как «этнически окрашенных», в том числе появление подбойных могил (Высотская 1987, 46), распространение южной с отклонениями ориентировки (Высотская 1987, 59) и варианта позы погребенных со «скрещенными в голених ногами» (Мордвинцева 2015а, 120 сн. 5).

¹¹¹ Колтухов, Юрочкин 2004; Попова 2011; 2012; Антонов 2016.

¹¹² Зайцев 2013.

¹¹³ Мордвинцева, Лысенко 2016.

¹¹⁴ Попова 2011; 2012; Антонов 2016; 2017.

сформулированные в первой половине XX в., что часто приводит к имитации анализа археологического материала.

Эпилог

Основной научной проблемой при исследовании Позднескифской археологической культуры Крыма на современном этапе является изучение ее исторической сущности в диахронном развитии¹¹⁵. В том числе актуальными являются поиск причин и факторов появления этой культуры, учитывая обнаружение ключевых позднескифских памятников, функционирующих уже с конца IV–III вв. до н. э.¹¹⁶, и интерпретация ее «локальных вариантов», выделяемых все в большем количестве. Эту проблему нельзя решать без рассмотрения общих теоретических вопросов, связанных с феноменом археологической культуры и ее изменением в ходе культурно-исторических процессов.

Процессы трансформации материальной культуры и формы их проявлений в археологическом материале оказываются намного сложнее, чем представлялось ранее. Например, хорошо известные по письменным источникам миграции готов в большинстве мест практически не привели к изменению локальной археологической культуры. Различные этнические группы населения Кавказа обладают материальной культурой, которая археологизируется сходным образом. Это заставляет сомневаться в ранее казавшихся незыблемыми аргументах археологического исследования. До сих пор не ясны механизмы процессов культурной трансформации, не разработаны их симптоматика и систематика. Изучение сетевых связей различных социальных групп показывает неубедительность этнических ярлыков, применяемых к определенным типам археологических предметов, как, например, «сарматское зеркало», «скифский наконечник стрелы» и т. п., поскольку понятие сети не предусматривает выявления «вектора влияния», но зато указывает на район коммуникации и ее социальную основу¹¹⁷.

В этой ситуации феномен Позднескифской археологической культуры Крыма, в традиционном значении этого термина представляется отражением хозяйственно-культурного развития Крымского полуострова в условиях его вовлечения в мир-систему с двумя геополитическими центрами – Римом и Парфией, ставшими мировыми политическими лидерами к сер. II в. до н. э., и поделившими мир по р. Евфрат в I г. до н. э.¹¹⁸ Их ослабление или разрушение в III в. н. э. привело к разрыву и переформатированию большинства сетевых связей: идеологических, военных, торгово-экономических. В этих условиях идея трансформации Позднескифской культуры под влиянием «сарматизации» выглядит бессмысленной. При весьма вероятных миграционных процессах со стороны степи или Кавказа, которые подтверждаются данными физической антропологии, они в гораздо меньшей степени влияли на функционирование социальных сетей и хозяйственно-культурный облик Крымской

---

¹¹⁵ Высотская 2004.

¹¹⁶ См. статью Ю. П. Зайцева в настоящем сборнике.

¹¹⁷ Мордвинцева 2017b.

¹¹⁸ Overtoom 2016, 138.

Скифии, чем близость античных центров и геополитические устремления держав-гегемонов.

Помимо разработки новых подходов, для ответа на главный вопрос о сущности Позднескифской культуры Крыма необходимо дальнейшее комплексное изучение отдельных памятников в их диахронном развитии и построение моделей их функционирования. После выделения групп схожих памятников и выявления причин их сходства возможно создание новой культурной типологии.